

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

ON THE MUSLIM
QUESTION

ANNE NORTON

К МУСУЛЬМАНСКОМУ ВОПРОСУ

ЭНН НОРТОН

Перевод с английского
АНДРЕЯ ЛАЗАРЕВА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2016

УДК 323.1
ББК 66.5
Н83

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор
ИННА КУШНАРЕВА

Нортон, Э.
Н83 К мусульманскому вопросу [Текст] / пер. с англ. А. Лазарева; под науч. ред. И. Кушнаревой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 272 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1200-5 (в пер.).

После событий 11 сентября 2001 года на Западе нет нехватки в резких голосах, говорящих, что ислам представляет угрозу безопасности, ценностям, образу жизни и даже самому существованию Соединенных Штатов и Европы. «Мусульманский вопрос» стал великим вопросом нашего времени. Этот вопрос связан с другими — вопросами свободы слова, террора, насилия, прав человека, женской одежды и сексуальности. И прежде всего он связан с возможностью демократии. В этой бесстрашной, оригинальной и неожиданной книге американский политический теоретик Энн Нортон опровергает представление о том, что между Западом и исламом имеет место «столкновение цивилизаций». Она показывает, что в действительности вопросом является верность Запада собственным идеалам: демократии и просвещенческой троице «свобода, равенство, братство». В сущности, мусульманский вопрос — это вопрос о ценностях не исламской, а западной цивилизации. Нортон предлагает свежий взгляд на известные спорные вопросы — от датских карикатур на пророка Мухаммеда до убийства Тео ван Гога. Она рассматривает доводы самых различных мыслителей — от Джона Ролза до Славоя Жижека. И приводит яркие примеры из повседневной жизни простых мусульман и немусульман, которые принимают друг друга и учатся жить вместе.

УДК 323.1
ББК 66.5

Перевод книги: *Norton, Anne. On the Muslim Question.*

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any forms or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing by the Publisher.

ISBN 978-0-691-15704-7 (англ.) Copyright © 2013 by Princeton

ISBN 978-5-7598-1200-5 (рус.: в пер.)

ISBN 978-5-7598-1601-0 (рус.: e-book)

University Press
© Перевод на рус. яз.,
оформление.

Издательский дом Высшей
школы экономики, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>РУТ О'БРАЙЕН. ПРЕДИСЛОВИЕ</i>	9
ВВЕДЕНИЕ. К МУСУЛЬМАНСКОМУ ВОПРОСУ: ФИЛОСОФИЯ, ПОЛИТИКА И УЛИЦА ЗАПАДА	12
Государства и права	16
Пол и сексуальность	17
Секуляризм	18
Демократия	22
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МУСУЛЬМАНСКИЕ ВОПРОСЫ	25
I. СВОБОДА СЛОВА	27
Датские карикатуры	37
То, о чем еще надо сказать: право хранить молчание	56
II. ПОЛ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ	61
Что скрывает чадра	79
III. ЖЕНЩИНЫ И ВОЙНА	85
Вооруженный секс	91
IV. ТЕРРОР	101
V. РАВЕНСТВО	115
VI. ДЕМОКРАТИЯ	142

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НА УЛИЦЕ ЗАПАДА 165

VII. ГДЕ НАХОДИТСЯ ЕВРОПА? 167

Европейская улица 182

VIII. «ИСЛАМОФАШИЗМ» И БРЕМЯ

ХОЛОКОСТА 192

IX. АМЕРИКАНСКАЯ ПУСТЫНЯ 205

Война в пустыне 207

Абу-Грейб 208

Гуантанамо 217

X. НЕТ НИКАКОГО «СТОЛКНОВЕНИЯ

ЦИВИЛИЗАЦИЙ» 225

Ислам — дома 228

Наша родина — текст:

романы и графические романы 236

Местная команда 243

Надписи на теле 247

Совместная трапеза 251

Ислам на карте родины 253

Новости, политика и власть 254

Ставки 260

БЛАГОДАРНОСТИ 263

Своим внешним видом напоминает цветастое и красочное одеяние и в силу этого оказывается любимым кровом каждого, ибо любой человек в этом городе может удовлетворить свои желания и устремления. Потому-то народ стекается [в этот город] и оседает там. Его размеры безмерно увеличиваются. В нем рождаются люди разных родов, имеют место браки и половые связи разного вида... Чужеземец не выделяется из местного населения... [в нем] объединяются все желания и все действия... И чем больше, шире, населенней, обширней и полней этот город, тем больше и сильнее в нем [уживаются] добро и зло.

Аль-Фараби о демократическом городе

«Свобода, равенство, братство»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Труд Энн Нортон «К мусульманскому вопросу» опровергает устоявшиеся политические и академические представления. Это точно книга с «публичной площадки»¹ — здесь много ярких речевых оборотов, вроде «когда евреи стали американцами, американцы стали больше евреями». Читатель будет поражен, насколько простым языком Нортон объясняет свои идеи. В книге не встретишь наукообразных словечек и культурологических штампов.

Однако «К мусульманскому вопросу» — книга с «публичной площадки» не только благодаря своим стилистическим особенностям. Это — настоящая политическая теория. От ее идей, масштабности и глубины перехватывает дыхание. Точно так же как «еврейский вопрос» содержал более широкий гуманистический посыл, книга «К мусульманскому вопросу» призывает к освобождению мусульман — и не ради самих мусульман или мусульманских обществ, не ради ислама, а ради выживания — ни больше ни меньше — всей западной цивилизации путем сохранения ценностей и институтов Просвещения, которые, как мы говорим, нам так дороги. Развеять ложные страхи и опровергнуть беспочвенные слухи об угрозах со стороны мусульман и ислама — критически важно для политики и философии в Европе и Соединенных Штатах.

Нортон показывает, как противостояние исламу уводит нас в сторону от действительно насущных вопросов — «о положении женщин, сексуальности, равенстве и разнообразии, вере и секуляризме». Она последовательно разбирает политические и философские основания нескладных обвинений ислама, которые выдвигает Запад, — фальшивые допущения о

¹ Игра слов: *The Public Square* — название серии, в которой была опубликована эта книга в издательстве Принстонского университета. — *Примеч. пер.*

свободе слова и свободах, касающихся пола и сексуальности. Она помещает бок о бок женщин и войну, распутывая, например, историю Линди Ингленд, американской женщины-солдата, той, что «весело указывала» на гениталии мужчин-заключенных в тюрьме Абу-Грейб. Нортон показывает, что подобные стратегии «сексуального унижения» «превратили общую для всего человечества слабость в особую уязвимость, присущую только одной культуре, и сделали ее ареной демонстрации силы Запада над арабской культурой».

Что еще делает эту книгу книгой с «публичной площадки» — это то, как Нортон раскладывает по полочкам множество сложных современных событий, таких как возмущение, которое вызвали у мусульманских мулл датские карикатуры на Мухаммеда, чтобы показать, что мусульман неверно зачислили в ряды «врагов свободы слова». И точно так же как она убедительно критикует «Казанистан» Джона Ролза и «исламофашизм» Пола Бермана, не менее жестко Нортон атакует философов вроде Славоя Жижека и Жака Деррида, с которыми читатели могли невольно связать ее работы по политической теории. Ее эрудиция, анализ и тот особый метод, какой она развивает в этой книге, — все беспощадно, все построено на искусных аргументах и элегантной стилистике.

Нортон обстоятельно и пронизательно демонстрирует, как неправы те европейские авторитеты, которые, подобно Герту Вилдерсу и Йозефу Ратцингеру, связывают провал мультикультурализма с исламом, — и что то же самое делают феминистки и феминистская теория. Нортон показывает нам, какая опасность таится в мнимых угрозах, которые они находят в исламе, опасность не только для мусульман, но и для христиан, иудеев и светских гуманистов. Ислам, говорит она, и его отношение к женщине не являются «особым, порой непреодолимым барьером к соблюдению прав женщины». В отличие от феминисток, автор не настаивает на том, что женщины-мусульманки должны отречься

от своей веры ради того, чтобы говорить с Западом на одном языке.

Нортон также показывает, что секуляризм в Европе — например, во Франции с ее *laïcité*² — не обеспечивает обещанного нейтралитета в публичной сфере. Тем не менее она весьма осторожна в своем противопоставлении Европы и Соединенных Штатов. «Новые» нации, такие как американская, проводят собственную политику, в которой гражданским свободам и гражданским правам придается большее значение, нежели в «старых» странах; и поэтому американское гражданское общество, как и *laïcité*, по своим особым причинам не может защитить собственных граждан-мусульман от «слежки, задержаний, незаконных обысков и нападений по дискриминационным мотивам».

Несмотря на этот впечатляющий анализ, книга «К мусульманскому вопросу» удивит читателя еще раз, когда завершится главой, пронизанной надеждой. В ней нет никаких утопических построений и даже призывов к активному действию, а только к пониманию ежедневных событий, пониманию, которое уже распространяется среди нас. Для Нортон мусульмане, христиане, иудеи, индуисты, атеисты и «обыкновенные» нерелигиозные люди уже «овладевают искусством жизни вместе», и именно поэтому данная книга наполняет публичную сферу предвкушением, ожиданием того, когда мы все это осознаем.

Рут О'Брайен

² Режим «светскости», «секулярности». — *Примеч. пер.*

ВВЕДЕНИЕ. К МУСУЛЬМАНСКОМУ ВОПРОСУ: ФИЛОСОФИЯ, ПОЛИТИКА И УЛИЦА ЗАПАДА

Еврейский вопрос был ключевым для политики и философии Просвещения. В наше время, когда Просвещение почти совсем отцвело, место еврейского вопроса занял мусульманский.

Освобождение евреев было центральной темой просвещенческой философии и политики. Просвещенные государственные деятели добивались изменения законов, которые делали евреев гражданами второго сорта, и прекращения погромов, ужасавших Европу. Завоевание для евреев права голоса, возможности участвовать в политике наравне со всеми и ходить, как все, по улицам своих городов сопутствовало распространению демократии и служило признаком подлинно либеральных конституций. По мере того как Запад становился все более просвещенным, либеральным и демократичным, он оставлял позади законы и обычаи, требовавшие дискриминации евреев.

Так же было и в философии. В очерке Маркса «К еврейскому вопросу» фигура еврея была тем местом, где постпросвещенческая Европа давала бой призраку богословия, внезапно замаячившему в вопросе о гражданском статусе человека. Еврейский вопрос влек за собой вопросы гражданства, религии, различия и принадлежности, интеграции и сохранения культуры. Эмансипация евреев была свидетельством одновременно и достижений, и ограниченности либеральных институтов. Задолго до Маркса политическая теология Спинозы уже сделала еврейский вопрос ключевым для определения места религии в государстве и для достижения подлинного просвещения в политике. В политической теологии Гегеля Авраам предстал отцом

индивидуализма. Западные философы, хвалившие или ругавшие либерализм, желавшие продвигать или тормозить демократию, видели в еврейском вопросе ось тех споров, в которых они участвовали. Современные споры о вере и секуляризме, прогрессе и потерях, отчуждении и общности, равенстве и разнообразии разворачивались на поле еврейского вопроса, а позже современная философия разместила в самом своем центре Холокост¹.

Озабоченность философов меркнет на фоне жесткости и остроты проблем в политике. В тени Просвещения существовал и второй еврейский вопрос, связанный с первым. Чем больше работали в мире политика и философия, тем сильнее вопрос о месте евреев и об антисемитских практиках высвечивал пороки, требующие исправления, и вызовы, брошенные всем надеждам и устремлениям Просвещения. Для еврейского вопроса в его практической и исторической форме было характерно, что евреев считали политической угрозой даже тогда, когда они были объектом политических нападков; злом — даже тогда, когда отношение

¹ *Marx K. On the Jewish Question // Marx K. Selected Writings / ed. D. McLellan. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 46–64; Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 382–413; Spinoza B. Theological-Political Treatise / ed. J. Israel; transl. J. Israel, M. Silverthorne. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Сочинения: в 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1999; Agamben G. Homo Sacer / transl. D. Heller-Roazen. Stanford, CA: Stanford University Press, 1998; Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011; Negri A. The Labor of Job / transl. M. Mandarini. Durham, NC: Duke University Press, 2009. Холокост — узловая точка не только континентальной философии, когда она пытается преодолеть свое прошлое, но также и англо-американских философов, например Майкла Уолцера. Беженцы — Ханна Арендт, Лео Штраус, Эмиль Факенгейм и другие — превратили этот вопрос в центральный для американского академического сообщества второй половины XX века.*

к ним свидетельствовало о распаде этических систем, отвергавших их. Еврейский вопрос обозначал и великие поражения, и великие достижения Просвещения.

В наше время фигура мусульманина стала осью, на которую нанизываются вопросы политической философии и политической теологии, политики и религии. Ислам воспринимается как главная опасность для существования политики; для христиан, иудеев и светских гуманистов; для женщин, пола и сексуальности; для ценностей и институтов Просвещения. В отношении к мусульманам и исламу свобода, равенство, братство перестают быть императивами, а становятся вопросами: свобода? равенство? братство? Их задают в отношении мусульман и ислама. Их задают в отношении всех нас.

Либеральные и социал-демократические государства нашего времени чувствуют неуверенность по отношению к мусульманам; они колеблются — включать ли их, распространять ли на них права и привилегии граждан. Хотя мы надеемся, что закон нейтрален, что конституция гарантирует права и что в Америке существует подлинная свобода вероисповедания, американское гражданство все же не защищает американских мусульман от слежки, задержаний, незаконных обысков и нападений по дискриминационным мотивам. Очная ставка Америки с мусульманским вопросом показала, что и американцам-немусульманам точно так же угрожают дискриминация, надзор, задержание и заключение, когда они действуют как союзники.

В Европе дела с защитой прав обстоят ничуть не лучше. Суровый республиканский секуляризм во Франции, *laïcité*, не обеспечил обещанного нейтралитета в публичной сфере. В тех же регионах, где некогда раздавался призыв выгнать евреев, теперь звучат требования положить конец мусульманской иммиграции. Франция полыхает от бунтов в мусульманских предместьях, *banlieues d'Islam*. Французское общество разрывают противоречия по вопросу о хиджабе. Нор-

вежские подростки гибнут от рук человека, который считает себя заступником Европы от ислама. Партийная политика в Нидерландах и Дании зациклена на мусульманском вопросе. В Германии и Великобритании премьер-министры рассуждают о крахе мультикультурализма и угрозе экстремистского ислама. Условия (формальные и неформальные), поставленные Турцией для включения ее в Европейский Союз, образуют институциональную и юридическую карту европейской тревожности: положение женщин, место религии и семьи, допустимость этнической идентификации, использование и пределы государственного насилия.

Список тревожных вопросов, которые Запад адресует мусульманам, обрисовывает, как на карте, районы внутренней озабоченности. Европейские государства — а в действительности все государства либерального и социал-демократического Запада — сами постоянно сталкиваются с вопросами о положении женщин, сексуальности, равенстве и разнообразии, вере и секуляризме. Их подпитывает тревога по поводу значения прошлого и направления будущего. Европейский конституционный кризис частично вызван неуверенностью в статусе христианства в конституции Европы. Речь идет не о включении или исключении Турции, страны преимущественно мусульманской по культуре и вере, а об идентичности принимающих стран. Европу спрашивают, является ли она христианской или светской, и ответа найти не удастся.

В Америке мусульманский вопрос принимает другую форму. Аналитики американской политики от Алексиса де Токвиля до Луиса Харца заметили, что Америка — это либеральная страна, рожденная в рамках Просвещения, от Просвещения и для Просвещения. Американские христиане и американские атеисты смогли дать одинаковый ответ на еврейский вопрос, ответ в пользу включения, который привел к частичной и взаимной ассимиляции. Когда евреи стали американцами, американцы стали больше евреями.

Америка сталкивается с мусульманским вопросом, не имея нужды кого-либо принимать. Фигура мусульманина не объединяет христиан и атеистов и не становится примером для избранных. Для американцев, которые сами себя видят как Исаака и Иакова, народ Завета, борющийся с ангелом, фигура мусульманина поднимает проблему Исмаила и Исава, тех, кто пребывает в пустыне вне Завета.

Запад в целом сталкивается с изменениями в практиках и понимании суверенитета и с вызовом тем либеральным и нелиберальным институтам, которые до сих пор держали потенциально мятежную демократию под контролем. Ситуация с мусульманским вопросом повторяет ситуацию, которая имела место с еврейским вопросом: на кону сейчас ценность западной цивилизации в самом элементарном понимании. Фигура мусульманина стоит наподобие часового, обозначая пределы Запада: государственная система, права человека, гражданские свободы, демократия, суверенитет, даже простейшие жизненные потребности.

ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Мусульманский вопрос, как и прежде еврейский, связан со страхами насчет национальной и международной безопасности. В XIX веке еврейского анархиста боялись как агента всемирного терроризма, использующего террор как оружие, свободно пересекающего границы и не признающего государство. Теперь мусульманский террорист представляет угрозу безопасности не только отдельных государств, но и всей международной системы. В каждом случае мусульманин и еврей маркированы как существующие сразу и до, и после государства во времени. Они из племени, не достигшего состояния государственности, состояния, которое Гегель обозначил как необходимое для достижения полноты цивилизации. Они существуют после государства, что значит — они безродные космопо-

литы в поствестфальском мировом порядке². Можно сказать, что они существуют после государства и во втором, более простом смысле: преследуя его, противодействуя ему, пытаясь его разрушить.

Фигура мусульманина также обозначает пределы прав. И политическая философия, и популярный дискурс в Европе и Соединенных Штатах представляют мусульман как образчик нарушения прав человека. Якобы мусульманская религиозная практика и даже сам ислам посягают на эти права. В скандалах, разгоревшихся вокруг Салмана Рушди, Тео ван Гога, Ай-ан Хирси Али и карикатур, опубликованных сначала в датской прессе, а потом по всему миру, мусульмане преподносились как прямой вызов свободе слова. В спорах по вопросам ношения хиджабов, многоженства и другим постоянно возникает образ мусульманина как существа, особенно враждебного к женщине. Когда на Западе, хотя и со скрипом, стали признавать возможность разных сексуальных ориентаций, мусульман назначили злостными противниками идеи равенства гомосексуалистов. Все эти столь дорогие права — свободы слова, свободы печати, равенства и даже стремления к счастью — якобы оказались под угрозой из-за ислама.

ПОЛ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Множество западных философов и теоретиков из самых разных уголков академического мира — от старых левых до неоконсерваторов — объединились в шаткий союз с тем, чтобы обвинить мусульман в притеснении женщин. Сьюзен Окин, Джин Элштайн, Элизабет Бадинтер, Каролин Фурест и Орианна Фаллачи (среди прочих) утверждают, что хиджаб, женское обрезание,

² Имеется в виду Вестфальский мир, которым завершилась Тридцатилетняя война 1618–1648 годов и который во многом определил последующую политическую карту Европы. — *Примеч. пер.*

многоженство и договорные браки представляют собой особый, порой непреодолимый барьер к соблюдению прав женщины в мусульманской культуре. Они говорят, что Европа и Америка предлагают убежище мусульманским женщинам, которые должны покинуть свою собственную культуру, чтобы обрести собственный голос и самих себя. Для этих весьма своеобразных мыслителей ислам — это религия, враждебная женщине, опасная зона гипермаскулинности.

Конструирование мусульманского мира как гипермаскулинного дало несколько полезных вещей Западу в целом и Соединенным Штатам в частности. Внимание к женской судьбе в мусульманском мире отвлекло внимание потенциальных критиков от сохраняющегося неравенства женщин на Западе. Защита прав женщин стала оправданием военных авантур и иностранной оккупации. Ни одна женщина в здравом уме не станет защищать паранджу или многоженство, было сказано нам, поэтому любую, кто это делает, вероятно, обманули или заставили. Протесты со стороны женщин, которым обещали освобождение, таким образом, трактуются как признак их угнетенности, еще одно свидетельство в пользу необходимости вмешательства. Подобная логика возражений не допускает, тем более со стороны тех, кого она пытается заставить молчать.

СЕКУЛЯРИЗМ

Славой Жижек, ссылаясь на споры о преамбуле к европейской конституции, объявляет атеизм стержнем всего Просвещения. «Где было самое драгоценное наследие Европы, — вопрошает он, — наследие атеизма? Европа уникальна потому, что это первая и единственная цивилизация, в которой атеизм является совершенно законным выбором». Но радость Жижека по поводу отвержения религии Просвещением, однако, портит (как и само Просвещение) постоянное воз-

вращение вытесненного. Доказательством того, что «атеизм — это европейское наследие, за которое стоит сражаться», является то, что «он создает безопасное публичное пространство для верующих», даже для мусульман³. Жижек определяет мусульман как подлинный объект проявления терпимости, а подобное стремление он сам когда-то подверг резкой критике.

Назначение мусульман мишенью для толерантности относит их к «другому», к чему-то нежелательному. Не нужно быть терпимым к привычному и знакомому или тому, что приветствуется, что нужно и хорошо. То, к чему проявляют терпимость, маркируется как чуждое и нежелательное. У.Э.Б. Дюбуа некогда задал афроамериканцам знаменитый вопрос: «Ну и как это, ощущать себя проблемой?» То же самое можно спросить у мусульман — в глобальном масштабе. Однако формула Жижека предполагает, что на кону стоит нечто большее, нежели терпимость к исламу. Если атеизм действительно одно из славных достижений Нового времени, то не только ислам следует сбросить со счетов и молчаливо терпеть, но также и христианство.

Для многих секулярных философов и властителей дум из журналистов, например для Кристофера Хитченса, проблема ислама — это проблема религии в целом. Проблема с мусульманами в том, что они более религиозны. Религия доминирует в их жизни, их нельзя от нее отделить. Многие христиане могут сказать, причем с гордостью, то же самое и о себе. У них вообще вызывает сожаление отгораживание от веры. Это даже может привести к союзу между иудео-христианскими консерваторами и мусульманами. Правда, есть два препятствия. Более религиозные христиане и иудеи всегда были медленны в установлении связей поверх религиозных барьеров. Что важнее, мусульмане, как и христиане и иудеи, часто бывают секулярными. С другими секуляристами они разделяют подозрительное

³ Žižek S. Defenders of the Faith // New York Times. 2006. March 12.

отношение к религиозной власти. Они с особой ясностью способны увидеть ограниченность и хрупкость секуляризма на Западе.

Западный секуляризм якобы уходит корнями в отделение церкви от государства. Однако во многих местах на Западе этого отделения так и не произошло. Законы о богохульстве остаются в силе. Официальная религия продолжает существовать. Секуляризм якобы создает и сохраняет нейтральную публичную среду, но повсюду на Западе расписание рабочих и выходных дней тянется из христианского прошлого. Христианство доминирует в глазах и ушах видами соборов и звуками церковных колоколов. Идеи государства и суверенитета глубоко пропитаны политической теологией.

Однако если секуляризм не преуспел в хваленном отделении церкви от государства, то его частичный успех оказался больше, чем мы сознаем. Секулярное мирное соглашение сделало религию практически неприкосновенной для критики со стороны философов. Мятежным и скептическим позволили покинуть церкви и жить, ничего не опасаясь, но и церкви в свою очередь могли рассчитывать на свободную от скептиков жизнь. Церкви наслаждались иммунитетом против критики разума. Они были защищены от грубых споров публичной сферы. Скептики и философы придерживали язык или направляли свою критику куда-то вне церкви, подальше от нежных ушей верующих. Это не было триумфом атеизма или просвещения; это было соглашением между старыми врагами, ни один из которых не мог сокрушить другого окончательно, и каждый хотел обеспечить себе безопасное местечко, недоступное для атак другого. Прежде присутствие евреев служило своего рода неприятным напоминанием о том, что все могло пойти по-другому. Теперь присутствие ислама ставит секулярное соглашение под сомнение.

Секуляристы, боящиеся ислама, опасаются не самого ислама, а возвращения религиозной власти. Самые честные из них, как Аймаан Хирси Али, признают, что они против религии в любом виде. Христиане могут бояться конкуренции в религиозной сфере, а иудеи — вызова со стороны сионизма. Люди более знающие и осторожные могут понять, что отказ секуляристов обеспечить исламу неприкосновенность снова способен вызвать у кого-то желание критиковать христианство и иудаизм.

Философы и другие ученые должны принимать во внимание свою собственную уязвимость. Труды аль-Фараби, ибн Рушда, Авиценны, ибн Туфайля, ибн Хальдуна и других мусульманских философов поставлены вне канона, их схоластически выслали на периферию, к локальным исследованиям, исследованиям религии и антропологии. Западный канон политической философии деформирован генеалогиями, которые отсекают труды мусульман и мусульманских философов. Много лет назад Лео Штраус заявил, что западная философия искалечила себя сознательным забвением ислама и иудаизма. С пренебрежительной укоризной Штраус писал о сопротивлении западных философов еврейской и мусульманской философиям в Средние века. Он учил своих студентов интерпретативным стратегиям еврейской «шуле» и мусульманского «медресе» и поднимал вопрос о возможности кардинально иного разрешения взаимоотношений политики, философии и теологии⁴. Штраус ратовал за возвращение иудейской и мусульманской философий в канон, особенно таких фигур, как Маймонид и аль-Фараби. Только в последние годы теоретики и философы начали выводить свои генеалогии из более обширного и вместительного канона.

⁴ *Strauss L. Persecution and the Art of Writing. Chicago: University of Chicago Press, 1988.*

ДЕМОКРАТИЯ

Незадолго до своей смерти французский философ Жак Деррида назвал ислам «другим демократии»⁵. Деррида отгородил «греко-христианские и глобалистские» традиции от исламских источников, с которыми они были тесно связаны, которыми они питались и в которых находили пристанище в тяжелые времена. Он связал ислам с фашизмом и мусульман — с чрезмерным размножением, одновременно отождествив французское *laïcité* со свободой, равенством и братством, которых ему (для мусульманских граждан) явно недостает. В этом отношении предлагаемая Деррида конструкция мусульманина как «другого демократии» может показаться банальным, хотя и огорчительным, примером уступки интеллекта шовинизму. Однако в прочтении Деррида содержится нечто верное и глубоко пронизательное.

Мусульман действительно выставляют «другими демократии». У них нет демократии, и ее необходимо им поставлять, хотя бы и недемократическими методами. Продвижение либерально-демократических институций в политические пространства, населенные мусульманами, проводится в режиме обеспечения условий получения кредитов МВФ. Демократии, как и экономическому развитию, можно содействовать только при определенных условиях. От тех, на кого направлены усилия по «демократизации» на Ближнем Востоке, требуется не только согласие и удовлетворение требованиям их собственных избирателей; они должны удовлетворять пожеланиям Европейского Союза и Соединенных Штатов. Избранное правительство Палестины должно признать Израиль, независимо от того, что скажут его избиратели; избранное правительство Ирака должно отказаться от своего выбора премьер-министра.

⁵ *Derrida J. Rogues: Two Essays on Reason / transl. M. Naas, P.-A. Brault. Stanford, CA: Stanford University Press, 2005.*

Мусульманский вопрос охватывает континенты. Он объединяет политиков, философов, прессу, «пандитов»-академиков и радиоболтунов в общей тревоге по поводу столкновения цивилизаций. Однако в этих демократиях есть еще и народный ответ на подобные речи. На улицах Запада обыкновенные люди — мусульмане, христиане, иудеи, индуисты, буддисты, язычники, атеисты и остальные — вырабатывают совместное сожитие (*conviviality together*). Такие места — это Андалусия нашего времени, украшение нашего мира. Они погружены в повседневность. Довольно скоро мы приедем в эти места, чтобы понять, что мы давно там дома. Но давайте послушаем и ответим тем, кто рассуждает о «столкновении цивилизаций», тем, кто боится ислама и считает мусульман врагами.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ВОПРОСЫ

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

I. Свобода слова

Само «столкновение цивилизаций», наглядно демонстрирующее, что Запад является царством просвещения, а мусульмане — посланцами царства веры, обычаев и традиций, было частью спектакля, разыгрываемого в публичной сфере Запада еще со времен лекций Эрнста Ренана в Париже в XIX веке, когда Джамаль аль-Дин аль-Афгани бросил ему вызов. Аятолла Хомейни дал этим театральным представлениям новую жизнь, выпустив свою знаменитую фетву с призывом убить Салмана Рушди. Продолжением этого столкновения стали съемки фильма «Покорность мусульман» (критика отношения ислама к женщинам), убийство его режиссера Тео ван Гога, а также угрозы автору сценария Аяан Хирси Али, равно как и датские карикатуры на Мухаммеда и последовавшие за ними бунты.

Драмы, связанные с Рушди и ван Гогом, датскими карикатурами и подражательскими карикатурами-провокациями в сатирическом журнале *Charlie Hebdo*, обозначили мусульман — некоторых мусульман, мусульман-фундаменталистов, мусульман-экстремистов или просто мусульман — как врагов свободы слова. Жители Запада (христиане, иудеи и атеисты) якобы привержены свободе слова. Свобода слова выдвигается как одна из основных ценностей просвещенного, современного и демократического Запада. «Снова и снова, — писал консервативный активист Кен Коннор в *Baptist Press*, — мы видим, как крикливая часть мусульманского населения пытается ограничить свободу слова и навязать нам религию»¹. Редакционная статья на сайте

¹ Connor K. Tough Questions about Islam and Democracy // Baptist Press. 2006. September 26. <www.bpnews.net/bpcolumn.asp?ID=2396>; позднее опубликовано по адресу: <<http://www-humanevent.com/2006/09/22/why-did-popes-speech-spur-violence/>>.

netanyahu.org говорит о «самой нелиберальной силе планеты, исламских фундаменталистах, которые разрушают свободу слова»². «Большая часть возражений идет от ислама, — заявил исполнительный директор Национального секулярного общества Великобритании, — свобода слова — это ценность Просвещения, которой Европа должна держаться»³.

Порой угроза свободе слова может исходить с совершенно неожиданной стороны. Тут необходимо вспомнить подробности некоторых хорошо известных историй. Тогда и в карикатурах станет видно больше, и из случаев Салмана Рушди и Тео ван Гога можно будет извлечь кое-какие уроки.

Первый из скандалов, приведших к тому, что свободу слова стали считать мусульманским вопросом, разгорелся из-за «Сатанинских стихов» Салмана Рушди. Этот роман Рушди, как и «Дети полуночи» и другие его сочинения, был одновременно и реалистичным, и магическим. Там происходят изумительные полеты бабочек, у человека вырастают козлиные копыта, но персонажи также сталкиваются с вполне обычными испытаниями и трагедиями. Они остаются без работы, теряют веру в полицию, справедливость и в возможность ассимиляции. Рушди привносит опыт иммигранта и модуляции английского языка выходца из Южной Азии в высшие круги британской литературы.

«Сатанинские стихи» многим показались смешной мишенью: это была явная выдумка, отмеченная изощренно-фантастическими сценами. Сложная структура романа привлекала внимание к проблеме дискриминации британских мусульман, к тяжелым условиям их существования, их отчуждению, конфликтам, измене самим себе и искуплению и делала весь этот опыт живым и жгучим. Пророк Мухаммед изображался хотя и не ортодоксально, но с явной симпатией. Это

² <<http://www.netanyahu.org>>. 2003. February 7.

³ Цит. по: *Soriano C.G.* Europe Struggles to Balance Free Speech, Limits on Expression // USA Today. 2006. February 27.

я так думала. Мнения моих студентов разделились. Большинство — мусульмане, христиане, иудеи и атеисты — со мной согласились. Но некоторые наиболее ортодоксальные, независимо от их религии, были солидарны с консервативными мусульманами, порицавшими книгу. Они заявили, что Рушди должен проявлять большее уважение к вере.

Спор о Рушди вначале был домашним делом. Британские мусульмане и выходцы из Южной Азии сличали себя с белыми британцами. Их претензии были чисто британскими претензиями, выраженными в чисто британских терминах. Мусульмане спрашивали, почему законы о богохульстве защищают христиан, но не защищают религиозные меньшинства. Мусульмане и выходцы из Южной Азии возмутились пристрастностью законов о богохульстве, сделав их признаком и символом целого списка различных дискриминаций, которые они испытывают в Британии. Мусульмане из Южной Азии не просто выступили против британского общества, но и указали на конкретные политические методы и социальные конфликты в их собственных общинах. Рушди, в конце концов, был мусульманином и выходцем из Южной Азии. Он разгневал других, более религиозных, мусульман из Южной Азии.

Так и было в самом начале — шумиха местного значения. Как всегда с такого рода волнениями, появились и другие поводы для обиды. Рушди признали в высших британских (а на самом деле международных) литературных кругах. «Сатанинские стихи» дошли до финала Букеровской премии и получили премию Whitbread. «Дети полуночи» — изумительный, прекрасный роман о первом поколении, рожденном в независимой Индии, — удостоились Букеровской премии. Рушди столкнулся с английской словесностью и, как и другие революционеры, перевернул ее с ног на голову. Он мог писать на британском английском, когда хотел, но часто писал на индийском английском, языке мелких лавочников.

Рушди сражался с Британией на ее собственной земле и добился принятия и признания там, где проиграли многие другие иммигранты. Он был богатым, образованным и знаменитым — на своих собственных условиях, он критиковал британский колониализм и этим прославился. Чудесным образом преуспел он в том, что было едва посильной задачей для стольких иммигрантов: общение на английском, самостоятельное обеспечение, уважение со стороны местных жителей. «Сатанинские стихи», казалось, высмеивали то, за что иммигранты так крепко держались на своей новой родине, — их веру. Книга Рушди была о дискриминации, пределах ассимиляции и принятия. Для многих британских мусульман, которые ее прочли, это было оскорблением их веры. Хотя они вышли из одной и той же общины, Рушди и этих читателей разделяла бездонная пропасть.

Реакция британских мусульман, разозлившихся на книгу Рушди, тоже была очень британской. Они вышли на демонстрацию. Самые яростные их требования (запретить книгу и преследовать Рушди за кощунство) часто выдвигались как требования британских граждан: законы о богохульстве должны равным образом защищать все религии Британии. В общем, демонстранты показали, насколько они успели превратиться в британцев. Однако их самих страна приняла не целиком.

Талал Асад указывает в своей статье о деле Рушди, что британское правительство выпустило ряд предупреждений, обращенных к британским мусульманам, о недопустимости насилия, однако «по итогам демонстраций не было ни телесных повреждений, ни арестов»⁴. Эта забота правительства особенно удивительна, если учитывать исторический контекст. Лондон сталкивался не только с бомбистами из ИРА, но

⁴ *Asad T. Multiculturalism and British Identity in the Wake of the Rushdie Affair // Politics and Society. 1990. Vol. 18. P. 455, 456.*

и с бунтами в Брикстоне и на Ноттинг-хилл-гейте, в которых, что примечательно, выходцы из Южной Азии не участвовали. Уличные демонстрации разных групп — «антирасистов, фашистов, феминистов, геев, активистов “за жизнь”, профсоюзных деятелей и студентов» — приводили к стычкам с полицией и порой были весьма опасны. Однако хорошо задокументировано оказалось как раз насилие в отношении выходцев из Южной Азии. Опыт подсказывал, что демонстрации самих мусульман из Южной Азии вряд ли обернутся насилием. И опыт был верным. Никаких телесных повреждений или арестов. Почему же, спрашивает Талал Асад, либеральный средний класс многократно осудил «мусульманское насилие», почему правительство его ожидало и, должна я прибавить, почему демонстрации против Рушди вспоминаются как насильственные, хотя никакого насилия не было?

Салману Рушди угрожали не действия западных мусульман, а действия покойного аятоллы Хомейни. Хомейни, который, быть может, и книги-то не читал, выступил с заявлением, позволяющим мусульманам — призывающим их — убить Салмана Рушди. Позже он объявил награду за голову Рушди, предлагая щедрую премию тому, кто убьет самого писателя или его издателей. Рушди пришлось скрываться. Его охраняла полиция. Но охраняло и еще кое-что, менее заметное, но более глубокое и действенное. Писателя защищали его сограждане всех вероисповеданий. Британские мусульмане, вышедшие на демонстрацию из-за книги Рушди, не обратились в убийц после эдикта Хомейни. Они разошлись и делали то, что все мы делаем, когда злимся. Они подавали жалобы, писали в газеты и своим представителям во власти и выходили на демонстрации. Мусульмане (возможно, и сердитые мусульмане) были и среди тех полицейских, которые охраняли Рушди в Англии и США. Они дали ему возможность писать и путешествовать. Рушди был мишенью для могущественного человека, священнослужителя, став-

шего больше чем священнослужителем: авторитарным правителем крупной и достаточно богатой страны. Как священнослужитель, он имел влияние за пределами Ирана. Как правитель страны, он имел власть над армией, шпионами и ресурсами Ирана. Однако он умер, а Рушди остался жив.

Мучеником, погибшим за свободу слова, был не Салман Рушди, а Тео ван Гог. Его убийцей стал не исполнитель приказа образованного и могучего священнослужителя-иностранца, а голландец во втором поколении, плохо разбиравшийся в политике или религии, безработный одиночка. Да и сам Тео ван Гог меньше подходил на роль мученика, нежели Салман Рушди. Рушди был уважаемым писателем: эрудитом, умницей, рафинированным космополитом со своей весьма образованной международной аудиторией. Тео ван Гог — немый антисемит, мало известный за пределами Нидерландов, да и там прославившийся только как весьма вульгарный провокатор в сфере культуры. Пухлощекий блондин, агрессивно занятый самопродвижением, не брезговавший скотологическими шутками и при этом мало забавный, он выглядел — да и вел себя — как подросшая европейская версия Картмана из *South Park*. Однако ван Гог принадлежал к более богатому, более привилегированному социальному кругу и «вырос в плюшевом пригороде Гааги»⁵. Писатель Иэн Бурума, знавший его самого, его среду и друзей («у нас были общие друзья»), описывал Тео как испорченного богатенького мальчишку, «скачущего в Васенааре»⁶ сорванца»⁷.

⁵ *Anthony A. Amsterdamed, Part One // Guardian. 2004. December 5.*

⁶ Район Гааги. — *Примеч. пер.*

⁷ *Buruma I. Murder in Amsterdam: Liberal Europe, Islam and the Limits of Tolerance. N.Y.: Penguin Books, 2006. P. 9, 88; Бурума И. Убийство в Амстердаме: Смерть Тео ван Гога и границы толерантности. М.: Колибри, 2008. С. 19, 109.*

Ван Гог называл себя «сельским дурачком». На своем веб-сайте *De Gezonde Roker* (Здоровый Курильщик) он показан с красным лифчиком на голове, словно в маске. Кинематографическую карьеру он начал рано, еще в школе создав фильм о том, как его друзья едят экскременты. Продолжил съемками еще более эпатажных сцен: мужчина, стреляющий из пистолета во влагалище женщины; кошки в стиральной машине⁸. Его колонки и радиошоу были призваны оскорбить, и оскорбить как можно более широкую аудиторию, как можно более громко и скандально. Бурума вспоминает, что ван Гог называл Иисуса «тухлой рыбой из Назарета» и говорил об одном еврейском режиссере и писателе, что тот «может удовлетворить свою жену, только обмотав свой пенис колючей проволокой и крича “Освенцим!” во время оргазма». Один из его критиков-евреев, писал ван Гог, «видит в эротических снах, как ее имеет Доктор Менгеле»⁹. Христиане подали на ван Гога в суд за его слова об Иисусе, а Центр информации и документации по Израилю — за антисемитские высказывания. Прежде ван Гог адресовал наиболее провокационные замечания евреям, пишет Бурума, до тех пор «пока мусульмане не навлекли на себя его особенного презрения и не стали мишенью неиссякаемого потока ругательств, среди которых “козюльбы” — самое известное, но далеко не самое оскорбительное»¹⁰.

Речи ван Гога, а также его публикации и фильмы были дикими, необузданными и неудержимыми. Он мог сказать что угодно, говорил все подряд и казался

⁸ *Luger* (1981). См. также: *Buruma I. Murder in Amsterdam*. P. 89; *Бурума И. Убийство в Амстердаме*. С. 110. Стоп-кадр из фильма о кошках был опубликован на веб-сайте ван Гога: <<http://www.thevangogh.nl>>.

⁹ *Anthony A. Amsterdamned, Part One*.

¹⁰ *Buruma I. Murder in Amsterdam*. P. 90, 91; *Бурума И. Убийство в Амстердаме*. С. 112, 113.

воплощением свободы слова. Он буквально выпрыгивал из своих футболок и штанов, переполняемый словами, с торчащими пшеничными патлами, слишком большой, чтобы его удержать, слишком дикий, чтобы им управлять.

Его необузданность отрицала один набор правил только ради того, чтобы утверждать другой. Ван Гог принадлежал Амстердаму травки и совокуплений. Городу, где в окнах расселись проститутки, а туристические карты усеяны кофешопами, торгующими марихуаной и ставшими важной статьей дохода, культово-голландскими, как некогда тюльпаны и сыр «Гауда». Петер ван дер Вир называл ван Гога «воплощением голландской морали 1970-х годов»¹¹.

Амстердам с 1970-х годов, как и прежде, в XVII веке, — город, где от богатства выбора разбегаются глаза. Если свобода — это свобода потреблять что хочешь, совать в рот все то, на что лег глаз, использовать чужое тело в свое удовольствие, то тогда Амстердам — свободный город. Тео ван Гог наслаждался этой свободой, превосходя своих сограждан. Он был ее искренний пожиратель, «здоровый курильщик». Он носил что угодно и делал все, что хотел. Он праздновал сексуальную вольницу Амстердама, свободу потреблять и получать удовольствие где и когда ему того желалось.

Это свободы богатых и привилегированных: людей, которые могут покупать товары и наслаждения. Это свободы тех, чьи дети все еще получают подарки, которые им приносят христианский святой и слуганегритенок, *Sinterklaas* и *Zwarte Piet*¹². Их удовольствия не слишком отличаются от удовольствий их пращуров — суровых кальвинистов XVII века — за ис-

¹¹ *Peter van der Veer. Pim Fortuyn, Theo van Gogh, and the Politics of Tolerance in the Netherlands // Public Culture. 2006. Vol. 18. No.1. P. 111.*

¹² Букв. голландский вариант имени Санта-Клаус, а также Черный Пит. — *Примеч. пер.*

ключением того, что они сами стали немножко больше католиками.

Голландцы XVII века печатали возмутительные памфлеты для всей Европы. На закате тысячелетия свобода выражения фокусировалась на более частных вопросах. В новых Нидерландах на веб-сайте, предназначенном для тех, кто желает стать гражданами этой страны, объясняется, что «люди пользуются свободой выражения, чтобы показать, что они являются гомосексуалистами или лесбиянками»¹³. Это следует не только принимать, но и интенсивно утверждать. Нидерланды больше не активные участники рынка политического мятежа. Сексуально заряженные шуточки, которые голландцы XVII и XVIII веков использовали, чтобы высмеивать великие державы и подтачивать установившуюся иерархию, теперь используются, чтобы их усиливать.

Памятование смерти ван Гога обязательно включает повторение сексуально окрашенной оскорбительной клички мусульман — «козолобы». Это оскорбление было превращено в нечто детское и приятное благодаря использованию мягких игрушечных коз. Кто станет возражать против парочки прелестных мягких игрушек? «Козолобы», говорили мне, это не оскорбление, придуманное исключительно для мусульман. Точно так же говорят и о тех американцах, которых иначе называют «деревенщиной» или «быдлом»: в общем, о тех, кого Карл Маркс называл олицетворением «идиотизма деревенской жизни». Термин «козолобы» представляет мусульман гиперсексуалами, всегда только мужского пола, никогда женского, вне городской цивилизации и культуры.

Как это часто бывает, не ислам, а Европа является источником глубочайших европейских страхов. Не чужаки наполняют сердца людей тревогой, а свое и знакомое, не будущее, а прошлое. Немногие голландцы

¹³ Naar Nederland. <<http://www.thiememeulenhoff.nl>>.

знают что-то о сельской жизни иммигрантов из Турции или Марокко. Обычаи и традиции, которых они боятся, пришли не с Рифских гор или из Анатолии, а из их собственных воспоминаний о сельской Европе, которая была не живописной, а примитивной. Они боятся чужого меньше, чем своего. Они принадлежат Европе, в которой власть религии угнетать и отпустить, диктовать людям, как себя вести, резко ослабла, но легко вспоминается.

Космополитические, сексуально раскрепощенные европейцы помнят, что их аппетиты были некогда ограничены нищетой, или религией, или правилами. Они празднуют освобождение от всего этого. Достижение удовольствия — самоопределение в мельчайшем, интимнейшем смысле этого слова: определением того, что ты носишь, с кем ты занимаешься любовью и как. Такими, как им кажется, должны быть удовольствия и свободы в городе. Они боятся, что маленькие города могут населить еще более мелкие, более ограниченные умы и что прошлое, от которого они сбежали, прячется где-то в деревне.

Ислам вызывает к жизни призрак религии, деревенской жизни: это возвращение вытесненного. Гости-иммигранты напоминают обеспокоенным хозяевам о слишком неглубоко спрятавшихся войнах, нищете, религии и унижении. Каждый день на каждой улице, в конторах и домах вид рабочего-иммигранта напоминает о прошлом тяжелого и убогого труда, когда объекты всех страхов жили за околицей, а верность ограничивалась кругом семьи, о прошлом глубоких политических конфликтов. Для женщин, для гомосексуалистов, для очень многих, кто сейчас наслаждается потребительскими радостями постиндустриальной Европы, это прошлое было тюрьмой. Присутствие иммигранта — присутствие прошлого. Часто в них боятся не чужого, а знакомого.

ДАТСКИЕ КАРИКАТУРЫ

Давным-давно в теплом домике в другой, холодной стране один человек писал книгу. Это был очень хороший человек. У него была «уютная кухонька» в доме в таком районе, где жили самые разнообразные люди¹⁴. Каждое утро его дети шли в школу вместе с другими детьми: с маленьким Андерсом и маленьким Нассером, маленьким Вуном и маленьким Карстеном. И однажды этот человек решил, что должен написать книгу.

Потребность, которая вызвала к жизни скандал с карикатурами в Дании, кажется самым добродушным, и, может быть, самым интересным поводом среди всех, связанных со скандалами вокруг свободы слова. Коре Блюйтген, датский автор книжек для детей, написал биографию пророка Мухаммеда и обнаружил, как сложно найти для нее иллюстратора¹⁵. Никто не хотел рисовать Мухаммеда. Это не должно удивлять. Ведь ислам, как и иудаизм, отвергает изображение Бога. Ислам также запрещает изображать пророков и, в более строгих толкованиях, любых людей. Иллюстраторы, которые отклонили предложение Блюйтгена, должно быть, это знали и предупредили его о негативном отклике со стороны мусульман. Блюйтгену хотелось «объяснить ислам датским детям». Включение иллюстраций многих сбило бы с толку и могло стать

¹⁴ Lau J. Allah und der Humor // Die Zeit. 2006. February 1. Английский перевод под названием «Who's Afraid of Muhammad?» <<http://www.signandsight.com>>. 2006. February 2. Перевод с немецкого на английский претерпел любопытное изменение названия, где Аллах уступил место Мухаммеду, а юмор — страху. Название «Who's Afraid of God?» либо «Muhammad und der Humor» точнее отразило бы эти несурности.

¹⁵ По его утверждению. Как заметила Ютте Клаусен, Блюйтген не захотел или не смог определить иллюстратора, который его отверг: Klausen J. The Cartoons that Shook the World. New Haven, CT: Yale University Press, 2009. P. 18.

оскорбительным, но Блюйтген настаивал. Он, как писал один журналист в *Die Zeit*, «имел самые лучшие намерения»¹⁶.

Трудности Блюйтгена были изложены в одной статье в датском журнале *Politiken*¹⁷. Всего через две недели (чтобы не упустить своего) газета *Jyllands-Posten* опубликовала «Muhammad's ansigt» («Лицо Мухаммеда») — коллекцию из двенадцати карикатур в сопровождении эссе редактора газеты по культуре Флемминга Роуза¹⁸. Роуз и *Jyllands-Posten* «вовсе не фундаменталисты, готовые на все ради свободы выражения», как писал в статье для *Washington Post* сам Роуз. Они не «станут печатать порнографические изображения или фотографии мертвых тел; ругательства также редко попадают на наши страницы». Но, добавляет он, «история с карикатурами — это совсем другое». Роуз просто должен был их опубликовать, потому что один датский комик почувствовал, что может помочиться на Библию, а не на Коран¹⁹. На *New York Times* не произвело впечатления такое объяснение, названное «подростковым»²⁰.

Итак, ныне знаменитая статья была опубликована. Казалось, на нее не последовало какой-либо заметной реакции — ни в Дании, ни на Ближнем Востоке. Не то чтобы карикатуры вообще остались незамеченными на Ближнем Востоке: египетская газета *El Fagr* перепечатала их в сопровождении критической заметки в октябрьском номере, что тоже не вызвало никакой яростной реакции. *Jyllands-Posten*, казалось, была разочарована отсутствием отклика на карикатуры и разо-

¹⁶ Lau J. Allah und der Humor.

¹⁷ Dyb angst for kritik af islam // *Politiken*. 2005. September 17.

¹⁸ Muhammeds ansigt // *Jyllands-Posten*. 2005. September 30.

¹⁹ Rose F. Why I Published Those Cartoons // *Washington Post*. 2006. February 19.

²⁰ Those Danish Cartoons (lead editorial) // *New York Times*. 2006. February 7.

слала их, уже после публикации, знаменитым имамам Дании, включая Ахмада Абу-Лабана. Имамы встревожились, но никакой яростной (или даже вспыльчивой) реакции опять-таки не последовало.

Несколько месяцев спустя Абу-Лабан и другие датские имамы получили папку с этими и другими анти-семитскими и антимусульманскими карикатурами прямо во время заседания Организации «Исламская конференция» (Organization of the Islamic Conference), на котором обсуждались детали предстоящего паломничества в Мекку. Имамы захотели обсудить поднимающуюся в Европе волну антимусульманских настроений. Следовательно, они взяли с собой не только карикатуры в *Jyllands-Posten*, но и другие образцы антимусульманских карикатур. Ютте Клаусен, автор книги об этом скандале, описывает те другие как «поддельные карикатуры», хотя нет никаких указаний на то, что это имамы подложили их к дверям *Jyllands-Posten* или предположили, что они были заказаны этим же изданием. Так что ничего поддельного в них не было. Дополнительные карикатуры, которые имамы привезли в Каир, были подлинными: настоящие карикатуры, настоящие оскорбления, нанесенные настоящими людьми. На этом заседании было сформулировано официальное дипломатическое выражение «обеспокоенности фактом поднимающейся ненависти к исламу и мусульманам» и «использованием свободы выражения как поводом для оскорбления религий». Никакого призыва к насилию не было, и насилия не случилось.

Один из датских имамов позже сказал о себе и своих коллегах: «Мы не были достаточно профессиональны, чтобы предсказать, каков будет на это ответ массмедиа или насколько этим заинтересуются политики»²¹. То же самое он мог сказать и о датских журналистах.

²¹ Howden D., Hardaker D., Castle S. How a Meeting of Leaders in Mecca Set Off the Cartoon Wars around the World // The Independent. 2006. February 10.

Когда карикатуры отправились дальше, папка с ними стала толще. Мусульмане добавили другие, более оскорбительные изображения, и они уехали из Европы, из царства дипломатии, в область более грубой политики. Политиканы и медиафигуры в мире ислама сделали то же самое, что Флемминг Роуз и главный редактор *Jyllands-Posten* Карстен Юст: они стали распространять эти карикатуры и дополнять их другими в надежде вызвать более яростный, более политический, более насильственный и более новостной, более выгодный отклик. И они получили его — но не дома, не в Европе, не на Западе.

Юте Клаусен — ученый, которая написала несколько наиболее надежных и беспристрастных работ о мусульманах в Европе. Ее исследование скандала с карикатурами бесценно во многих отношениях, но в некоторых — обманчиво. Важнее всего, что Клаусен преувеличила насилие, которое вызвали карикатуры. В табл. 2 ее книги указано «число жертв, связанных с демонстрациями против датских карикатур»²². Число смертей и увечий кажется большим, пока не изучишь таблицу внимательно. Клаусен насчитывает 241–248 смертей за четыре месяца, из которых 205–207 случились всего за пять дней в Нигерии. Она также насчитывает 790–800 травм, из которых более 485 были нанесены в той же Нигерии²³. Эти цифры, увы, не являются исключительными в нигерийском контексте. Сравнимые вспышки насилия, приведшие к гибели

²² Я необычайно признательна Петру Шпунару за то, что он указал мне на искажающий эффект нигерийского случая и побудил к тщательной проверке цифр.

²³ Клаусен говорит нам, что эти цифры — «приблизительная оценка, основанная на сообщениях местной прессы» (*Klausen J. The Cartoons that Shook the World. P. 107*). Эти цифры сами по себе ненадежны. Моя собственная проверка местных газет дает меньшие цифры: 16 смертей, а не 45 за время 18 бунтов в феврале.

людей, случались и до, и после скандала с карикатурами. Би-Би-Си сообщает о 200 погибших в Нигерии за 20 января 2010 года, указывая, что «в этой области за последние годы было несколько вспышек смертельного насилия. По крайней мере 200 человек погибли в столкновениях между мусульманами и христианами в 2008 году, а во время бунтов 2001 года погибло около тысячи»²⁴.

Следующая по величине, но значительно меньшая (11) группа смертей в таблице — ливийские погромики, убитые ливийской полицией. Эти люди отделились от большой мирной демонстрации и были атакованы полицией после того, как всерьез разбушевались. Связь с датскими карикатурами и здесь довольно слабая. В данном случае убиты были ливийские мусульмане руками ливийских же мусульман. Протесты были направлены на итальянское консульство и вызваны поведением одного итальянского министра, который предстал в футболке с отпечатанными на ней карикатурами во время своего телевизионного выступления. Карикатуры стали взрывоопасными в ливийском контексте только тогда, когда они соединились с Италией, бывшей колониальной метрополией Ливии²⁵. В свете последующих событий мы должны задаться вопросом, а действительно ли столкновения между ливийской полицией и ливийскими демонстрантами касались карикатур, или те стали лишь удобным поводом выразить недовольство репрессивным режимом? Четыре смерти во время афганских выступлений против карикатур следует сравнить с 14 погибшими во время антиамериканских выступлений в то же самое время. Дания послала солдат в Афганистан вместе с американцами и поэтому, с карикатурами или без, была мишенью для тех афганцев, которые возражали против присутствия

²⁴ <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/8468456.stm>>.

²⁵ <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/afric/a/4726204.stm>>.

войск коалиции²⁶. На Западе произошла только одна смерть и не зафиксировано ни одной травмы. Единственным погибшим в Европе был мусульманин, покончивший с собой в полицейском участке.

Давайте внесем ясность. Идея о том, что скандал с карикатурами вызвал яростные столкновения между мусульманами и западными немусульманами, в корне ошибочна. Насилие было за пределами Запада. Оно случалось в тех местах, где насилие вообще распространено, где его могут вызвать любые проблемы — внутренние или внешние, реальные или выдуманные. Люди получили травмы, люди погибли. Эти люди были пакистанцами, нигерийцами, афганцами, ливийцами и в абсолютном большинстве — мусульманами. Они были жертвами постоянно происходящих яростных конфликтов. И конфликты эти продолжают до сих пор, без какой-либо связи с датскими карикатурами.

Клаусен также согласилась с распространенным мнением о том, что весь скандал был спором о свободе слова, разделившим мусульман и людей Запада. Но это мнение тоже неверное. Оно предполагает, что люди Запада не могут быть мусульманами или что мусульмане по определению не западные люди. Также не было — и это критически важно — никакой угрозы свободе слова. Ни один датчанин не испугался вторжения государства. Ни один датчанин не испугался реакции разъяренного большинства. Они даже не побоялись «болезненной сверхчувствительности» мусульман, которую так старались задеть. Ведь они были корректны. *Jyllands-Posten* опубликовала карикатуры. Газету напечатали, распространили и прочли. Те, кто противился публикации, делал это в печати и на демонстрациях, остававшихся мирными.

²⁶ <<http://www.nytimes.com/2006/05/30/world/asia/30afghan.html>>.

Если целью публикации карикатур было подтвердить право свободы печати или свободы слова или даже «право» оскорблять, то *Jyllands-Posten* следует прийти в восторг от достигнутых результатов. Однако газета не стала этого делать. Просто доказать, что датчане могут печатать все, что захотят, ее боссам оказалось недостаточно. Понадобилась провокация. Если одного оскорбления не хватает, его нужно повторить.

Коре Блюйтгену было нужно изображение Мухаммеда, выполненное согласно датским канонам начала XXI века, простая иллюстрация, как и многие другие. Он хотел, чтобы Мухаммеда нарисовали, и нарисовали по западным правилам. Требуя этого, он настаивал на преимуществе своих художественных представлений перед религиозными предпочтениями сограждан-мусульман. «Они сами себя не представляют, их нужно представлять».

Флемминг Роуз такое требование усилил. Рассылая редакционное задание на портреты Мухаммеда, он просил, чтобы изображения были как минимум светские, почти наверняка комические, насмешливые или сатирические — именно таковы основные характеристики газетных карикатур. Он требовал представить Мухаммеда так, чтобы лишить его всякой связи со священным или божественным, в такой форме, которая предполагает насмешку. Автор детской книги мог (в принципе) согласиться на портрет Мухаммеда в виде пророка или героя. Но у редактора по культуре *Jyllands-Posten* оказались более строгие запросы. Он пожелал сатиры.

В изображениях Мухаммеда нет недостатка, даже в Дании. В любой библиотеке средних размеров обнаружится множество его портретов, некоторые из них даже будут выполнены мусульманами. Есть его изображения на холстах, а также иллюстрации в книгах по истории, религии и культуре. На одних лицо закрыто. На других показано языками пламени. В западных изо-

бражениях Мухаммеда обычно показывается мужское лицо и фигура, но из-за этого они не становятся правдоподобнее. И те и другие — плод игры воображения художника. Блюйтгену был необходим выдуманный портрет, а таких портретов предостаточно. Датчане не живут в визуальной пустыне, без какого-либо доступа к изображениям Мухаммеда, как бы ужасно это ни прозвучало.

Идея была не в том, чтобы Мухаммед стал видимым, и даже не только, чтобы его изобразили таким, каким его представляет западный человек (христианин или атеист, либерал), и не только, чтобы портрет исполнили по западным художественным канонам, — важно, чтобы число таких изображений множилось, чтобы они повторялись раз за разом. Недостаточно, чтобы художники нарисовали Мухаммеда в такой форме, которая может обидеть некоторых мусульман, — они ведь и *должны* обидеться. Недостаточно сделать это один раз; образы необходимо тиражировать, печатать и перепечатывать. Если мусульмане не реагируют, то эти изображения надо послать их религиозным лидерам. Если и лидеры не реагируют, то изображения нужно перепечатать и снова распространить. Это простое подстрекательство? Или здесь понемногу набирает силы нечто новое и пока еще хрупкое?

Я написала о западных канонах и представлениях, западных критериях. Именно такие термины и использовались в дискуссиях об этом скандале, но все эти прилагательные не точны. Каноны, которые Коре Блюйтген использовал в своей детской книжке, не «западные», а датские, относящиеся к конкретному времени и к конкретному месту в Дании: не просто христианские, но протестантские; не просто протестантские, но секуляризованные протестантские; не просто секуляризованные, но секуляризованные по-особому, по методу датской Ютландии.

Флемминг Роуз исходил не из местных представлений, а из местного политического положения. Му-

сульмане обречены на культурные инициации через унижение: как студенты-первогодки, «зачморенные» ради перспективы вхождения в великое национальное братство. «Юмор, даже обидный юмор, объединяет, — сказал Роуз газете *Die Zeit*, — потому что, высмеивая людей, мы включаем их в наше общество. Это не всегда легко для тех, кого это затрагивает, но эта цена, которую им придется платить»²⁷. Следовательно, мусульмане были лишь поводом поспорить: Роуз якобы метил в более крупную мишень. Он бросал вызов установлениям, требующим уважать религиозные верования в публичной сфере, чтобы выдвинуть более ограниченную повестку дня.

Призывая печатать и перепечатывать карикатуры на Мухаммеда, Роуз и Юст опирались на свои локальные представления, но выдвигали их не как свое мелкое, островное видение, а как взгляды, присущие всем западным людям или даже всем разумным людям. Жителям Запада должно польстить, что их приравнивают к разумным вообще, но им лучше проигнорировать такой Запад, который не способен вместить Копенгаген, не говоря уже о всей Дании.

И конечно, они так и поступили — проигнорировали. Об этом свидетельствуют изначальные карикатуры. Работа одного иллюстратора вообще изображает не Мухаммеда. Предвидя реакцию на карикатуры, он показал некоего мусульманина, спокойного и внушительного, встречающего группу других мусульман — два вооруженных человека представляют варварски настроенную, разъяренную толпу. Центральная фигура останавливает толпу у дверей, говоря: «Успокойтесь, друзья. В конце концов, это всего лишь рисунок одного неверного из Южной Ютландии»²⁸. Карикату-

²⁷ “Who’s Afraid of Muhammad?”

²⁸ Здесь и в других местах за переводы с датского я благодарю Йеппе ван Плац (Jeppe van Platz).

ра высмеивает одновременно и яростных мусульман, и провинциальных датчан. Фигура, воплощающая сдержанность, помещена под исламским полумесяцем внутри атакуемого здания. Фигурки варваров снаружи, и их бег остановлен. Рисунок высмеивает сразу две черты провинциализма и приравнивает сдержанность к цивилизованности. Текст под карикатурой противопоставляет спокойного мусульманина яростной толпе, которую он называет «друзья». Сам рисунок скомпонован так, что мы, читатели, оказываемся вместе с центральной фигурой внутри здания.

Другой рисунок изображает скорее Блюйтгена, чем Мухаммеда. Блюйтген показан как глуповатый школьник, держащий в руке листок с нарисованной в стиле «палка-палка-огуречик» фигурой, по всей видимости Мухаммеда. На голове у школьника тюрбан, увенчанный апельсином, на котором написано по-английски «PR stunt»²⁹ (фраза «апельсин в чалме» в датском языке обозначает «удача»³⁰). Эта карикатура тоже пытается уменьшить политический эффект от провокации редактора. Важнее, что она отрицает столкновение цивилизаций, надевая на Блюйтгена тюрбан, обозначающий ислам.

Еще один иллюстратор воспользовался той же стратегией, изобразив человека с нимбом (судя по всему, Мухаммеда) в шеренге поставленных для опознания мужчин и женщин, различных по расе, но всех с тюрбанами на голове. В этом ряду стоят и крайне правый датский политик Пиа Кьерсгаард и сам Блюйтген, который опять маркирован как продажный журналист. Он держит в руках табличку: «PR-служба Коре, звоните и оставляйте ваш заказ». Опознающий свидетель говорит: «Я не знаю, кто из них он». Рисунок явно

²⁹ Рекламный трюк. — *Примеч. пер.*

³⁰ Asser M. What the Muhammad Cartoons Portray // BBC News. 2006. February 9.

представляет Мухаммеда, но одновременно, видимо, высмеивает датское невежество — или, возможно, высказывает предположение, что, так как портретов пророка, современных ему, не сохранилось, любое его изображение обязательно становится выдумкой.

Один карикатурист не стал изображать пророка Мухаммеда, буквально выполнив задание редактора. Его рисунок показывает «Muhammed, Valbyskole 7A», датского школьника в западной одежде, тыкающего указкой в текст, написанный на доске. Текст на фарси, арабскими буквами, и переводится он как «Журналисты из *Jyllands-Posten* — провокаторы из правого крыла»³¹. В этой карикатуре заметна некоторая двусмысленность. На футболке Мухаммеда надпись *frem-tiden*, что значит «грядущие времена» или «будущее». Обеспокоенный датчанин может прочесть весь рисунок как изображение будущего, в котором школы отданы критикам прессы из числа датских мусульман. Менее встревоженный читатель может увидеть в школьнике Мухаммеде самого карикатуриста и (вполне буквально) прочесть рисунок как критику *Jyllands-Posten* с космополитических позиций автора, видящего в датских мусульманах будущее Дании. В любом случае это весьма умная карикатура. Художник отказался рисовать карикатуру на пророка Мухаммеда, не стал оскорблять набожность, разрубил обычную связку мусульманин = араб, а также привлек внимание к наличию — и их датскости — Мухаммедов в Дании.

Возражения против публикации и перепечатывания карикатур на Мухаммеда поступали от самых разных жителей Запада, равно как и от позже разъярившихся жителей Востока. Одни из них были христианами, другие — мусульманами, одни — атеистами, другие —

³¹ Этот текст обычно переводится как «журналисты *Jyllands-Posten* — кучка реакционных провокаторов». Мой переводчик утверждает, что «правые» — более аккуратно.

религиозными, одни — либералами, другие — консерваторами, одни — умными, другие — упертыми фанатиками. Как написал Тарик Рамадан: «...мусульмане должны понимать, что насмешки над религией — это часть более широкой культуры, в которой они живут, находясь в Европе, и что она восходит к Вольтеру». Он поддерживает принцип свободы слова и заявляет о допустимости карикатур, хотя возражает против их публикации. «В любом обществе, — писал он, — существует гражданское понимание того, что свободное слово нужно использовать мудро, а не для того, чтобы провоцировать чужие чувства, особенно в гибридном, мультикультурном обществе, какое мы видим сегодня в мире. Речь идет о гражданской ответственности и мудрости, а не о законности или правах»³².

Эмран Курейши не согласен с этим, утверждая, что в результате скандала были забыты не только мусульманские традиции свободы выражения, но и тот факт, что мусульмане заплатили высокую цену за свободу слова. Он напомнил, что мой собственный учитель, «Фазлур Рахман, блестящий и глубоко религиозный пакистанский исследователь ислама, вынужден был бежать из своей страны и устроиться в Чикагском университете». Курейши стоит за принцип свободы слова. «Ответ, — писал он, — не в усилении цензуры. Но было бы неплохо, если бы европейские поборники свободы слова не опошляли ее, получая мелкую радость от возможности невозбранно обижать мусульман. Они видят в свободе слова примерно то же, что и исламские фундаменталисты, — просто возможность обижать — а не краеугольный камень либерального демократического государства»³³. Как замечает Курейши, защита свободы слова меньше обязана либераль-

³² *Ramadan T.* Free Speech and Civil Responsibility // *International Herald Tribune*. 2006. February 5.

³³ *Qureishi E.* The Islam the Riots Obscured (oped) // *New York Times*. 2006. February 12.

ным традициям демократических дебатов, нежели Джерри Спрингеру³⁴.

Большинство газет в США и Великобритании решили не публиковать карикатуры, ссылаясь на пункт редакционной политики об уважении к религиозным верованиям. Как было написано в передовице *Wall Street Journal*, «право посмеяться над религией можно считать абсолютным, но то же самое справедливо и для права публикации большинства видов порнографии: однако ни то, ни другое не пристало серьезному изданию... Это правило относится к любой религии, будь то ислам, христианство или иная, и не зависит от того, публикуются ли карикатуры в первый раз или перепечатываются из чувства солидарности перед лицом подразумеваемой угрозы». Андерс Джилленхэл, издатель миннеаполисской *Star-Tribune*, указывая на «умышленно кощунственный» характер рисунков, заявил, что *Star-Tribune* не станет публиковать что-либо оскорбительное только ради того, чтобы «доказать, что мы это можем»³⁵. В передовице *New York Times* было написано: «*New York Times* и многие другие национальные СМИ сообщили о карикатурах, но воздержались от их показа. Это кажется вполне разумным для новостных агентств, которые обычно воздерживаются от беспочвенных атак на религиозные символы».

Многие выступившие в поддержку рисунков нарушили эти границы. Большинство европейских газет перепечатали карикатуры, представляя их как важную защиту свободы слова. Хвалить собственное мужество — это всегда подозрительно, но в данном случае кажется еще и лицемернее обычного. Оскорбление религии меньшинства — плохая проверка и для свободы слова, и для гражданского мужества.

³⁴ Джеральд Норман Спрингер — британско-американский телеведущий, прославившийся своим ток-шоу «Шоу Джерри Спрингера» (идет с 1991 года). — *Примеч. пер.*

³⁵ *Walsh A. To Print or Not to Print // Religion in the News. 2006. Vol. 9. No. 1. Summer.*

Если оскорбление мусульман — это акт доблести, то парижанку правых взглядов Одиль Боннивар за разливание «свиного супа»³⁶ следует наградить орденом Почетного легиона. Когда свобода слова оказывается под вопросом, то более эффективным тестом является вызов мнению большинства. Если бы *Jyllands-Posten* выступила с инициативой воспроизвести публичный призыв к мусульманской молитве или в защиту паранджи, то можно было бы похвалить газету за гражданское мужество. Европейские журналисты, однако, увидели особую доблесть и возгордились тем, что напали на меньшинство, более слабое в политическом смысле и являющееся объектом постоянной дискриминации и презрения.

Более изощренную поддержку перепечатыванию карикатур выразили отдельные элементы из европейских правых кругов. Дияб Абу Яхья из Европейской арабской лиги согласился с позицией, занятой европейской прессой, и написал, что он тоже верит в то, «что любой должен иметь возможность опубликовать и сказать что угодно. Я не верю в красную линию и не верю в существование чего-либо превыше свободы выражения человека... Я знаю, что большинство арабов и мусульман по этому вопросу со мной не согласятся, но это меня не беспокоит, а беспокоит то, что большинство европейцев даже не осознают, что они также со мной не согласны».

³⁶ Имеется в виду публичная кампания правых, венцом которой стала акция 28 февраля 2006 года, когда суп, сделанный из свинины, поедался на бульваре Сен-Жермен и площади Мобер в Париже и это сопровождалось выкриками: «Мы едим свиней!» Все это происходило после скандала с карикатурами. Подобные акции были проведены во многих европейских городах. До того «свинным супом», по мысли Боннивар и ее сторонников, должны были накормить только «своих» бездомных, исключив мусульман и иудеев, и он, таким образом, становился супом-идентификацией. — *Примеч. пер.*

Европейцы полагают, что в Европе свобода слова гарантирована и что они защищают ее от давления со стороны ислама. Именно такой взгляд широко пропагандируется разными группами по всему политическому спектру. Однако реальность предоставляет нам, мусульманам в Европе, совсем другой опыт. Мусульмане и другие жители Европы не могут говорить то, что они часто хотят, а если все же скажут, то рискуют оказаться под арестом и под судом.

Они не могут, к примеру, выразить свое «отвращение» к гомосексуализму или называть его «болезнью и отклонением»³⁷. Абу Яхья был немедленно поддержан Паулем Белиеном, издателем *Brussels Journal*, в статье «Голос консерватизма в Европе».

«Господин Яхья тут в чем-то прав, — писал Белиен. — Не только мусульманам не позволено высказывать свое мнение. Лишь на прошлой неделе французский депутат парламента Кристиан Ваннесте (Vanneste) был приговорен судом к большому штрафу в связи с заявлением, что «гомосексуальное поведение угрожает выживанию человечества» и что «гетеросексуальность морально выше гомосексуальности»». Белиен также отмечал, что Аяан Хирси Али, обычно считающаяся поборницей свободы слова, «хочет запретить все религиозные школы» и лишить финансирования Кальвинистскую партию за то, что та не поддерживает выдвижение женщин-кандидатов на политические посты³⁸.

Консервативный фламандский националист Белиен и Абу Яхья оба поддерживают принцип свободы слова. Оба считают Европу местом, где слово несвободно. Оба осуждают Европу за лицемерие и призывают

³⁷ *Jahjah Dyab Abou*. Walking the Thin Line. 2006. January 31. <<http://www.arabeuropean.org>>.

³⁸ *Belien P*. Muslim Radical Defends Freedom of Speech, Deplores Europe's Hypocrisy // *Brussels Journal: The Voice of Conservatism in Europe*. 2006. February 3.

расширить свободу высказывания. Ни тот ни другой не относятся к могущественным или влиятельным людям. Оба поддерживают выражение мнений, которые непопулярны, многих шокируют, а в некоторых случаях являются незаконными. Оба надеются использовать свободу высказывания для того, чтобы создать другую Европу. Абу Яхья и Белиен, несмотря на все различия между ними, жаждут Европы, в которой гомосексуальность незаконна, гомосексуалистов унижают, а семья является священной.

Это не так уж мило, но это именно то, что собиралось защищать Просвещение. Слово такого рода — политически непопулярное; это слово, способное разъярить могущественных людей или многих людей; слово, выходящее за пределы политических дебатов; слово, обращенное к непосредственному моменту в политике, — вот именно это высказывание и обеспечивает свобода слова в целом. Шокирующие шутки, произносятся ли их на американском радио, или публикуют в виде карикатур на первой странице, или воплощают путем поливания мочой Библии или Корана, могут быть под защитой — а я верю, что так и есть — свободы слова, но они являются паразитами права, у которого важное предназначение. Они ослабляют право, призванное охранять слово политическое, важное и не столь опасное, как у них.

Воспитывать терпимость к шок-жокейству³⁹, к слову, которое призвано развлекать — и развлекать с выгодой, — это очень удобно и доходно. Шок-жокейство впервые появилось как дополнение к политике — такое мельтешение по краям, небольшая «перчинка», как мог бы сказать шеф-повар Эмерил⁴⁰, нечто, добавляю-

³⁹ Shock-jockery (англ.) — на американском радио политика провокационных высказываний, призванных повысить рейтинги передачи или станции. — *Примеч. пер.*

⁴⁰ Эмерил Лагасс — знаменитый американский шеф-повар. — *Примеч. пер.*

щее политике пряности. Раш Лимбо, Майкл Севидж, Эл Франкен и Энн Коултер оживили политику, а Энн Коултер даже добавила «клубнички»⁴¹, хотя и слегка перезрелой, на площадку для дебатов, на которой обычно чувствовалась нехватка стриптиза. Но когда все эти голоса стали более популярными (потому что пугали или изумляли), более выгодными (благодаря популярности) и более убедительными (благодаря выгоды), то они просто заменили собой политику: на радио, на телевидении и, наконец, в умах людей.

Шок-жокейство США и политические спектакли Европы создали утешительную иллюзию, что Запад — это царство свободы слова. Они побудили нас, людей Запада, гордиться теми местами на Земле, где слово свободно, и забывать о тех, где этого не происходит. Они заставили нас радоваться тем принципам, которые Запад продолжает компрометировать.

Слово в Европе и США менее свободно, нежели мы думаем, и многие — христиане, иудеи и атеисты; американцы и европейцы; либералы и консерваторы — очень довольны, что это так. В Соединенных Штатах, часто представляемых как бастион свободы высказывания, свободное слово уступает имущественным правам. Право на свободу слова умирает на пороге торговли, будь эта торговля магазином при фабрике или отделом супермаркета. В Европе законы и правила регулируют как содержание слов, так и те места, где их можно произносить. В Великобритании есть закон против разжигания религиозной или расовой ненависти и строгие законы против диффамации и клеветы. Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия и Исландия запрещают слово, вызывающее расовую или религиозную ненависть. Законы о богохульстве также широ-

⁴¹ Буквально «T&A», т.е. «Tits and Ass», «обнаженка» — сленговое обозначение кадров с наготой в фильмах. — *Примеч. пер.*

ко распространены, и большинство из них защищает официальную религию⁴².

Другие ограничения свободы слова и выражения кажутся более полезными. Законы в Германии и других европейских странах регулируют — и довольно строго — устное и письменное выражение мнения по поводу Холокоста и нацизма. Ораторам и писателям запрещено отрицать или преуменьшать Холокост. Антисемитские высказывания запрещены. Идеи антисемитизма или белого превосходства, коллекции нацистских реликвий, отрицание Холокоста и другие незаконные или оскорбительные материалы, имеющиеся на американских веб-сайтах, весьма тревожат европейцев. Но в США подобные взгляды можно выражать и подобные вещи можно продавать. Нацисты организывают свои марши в городе Скоуки и других местах в Айдахо и Пенсильвании, продают свои книги, аудио- и видеозаписи, и все же есть все основания полагать, что здесь их презирают значительно больше, чем в Европе.

Европейские чиновники призывают к дополнительным ограничениям в Интернете. Британский министр внутренних дел Джеки Смит привлекла внимание к проблеме широты и глубины управления Интернетом, ратуя за развитие фильтров, отсеивающих и устраняющих наиболее воинственные материалы в Сети, подобно широко используемым фильтрам для ограничения детского доступа к порнографии. «Если мы стараемся оградить от сексуального заигрывания уязвимую молодежь на сайтах социальных сетей, то, я полагаю, мы также должны предпринять что-нибудь против тех, кто заигрывает с уязвимой молодежью, готовя ее к экстремизму»⁴³. Не совсем ясно, как Смит намерева-

⁴² Europe's Blasphemy Laws // Deutsche Welle. 2006. February 7. <<http://www.dw-world.de>>.

⁴³ Trevelyan M. UK Seeks Way to Stop Militant Grooming on the Web. 2008. January 17. <Reuters.com>.

лась определять «уязвимую молодежь», если только не включать в эту категорию всех мусульман, чтобы снова поместить их, как детишек, под благотворное и отеческое британское управление. Поставщики интернет-услуг воспротивились, а индустрия блогов возразила, что то, что «намереваются сделать в Великобритании, похоже на уменьшенную копию так называемой Великой китайской электронной стены (Great Firewall), благодаря которой интернет-пользователи в Китае лишены доступа ко многим материалам, которые правительство не желает им показывать»⁴⁴. Скандал с WikiLeaks на Западе выявил строгие правила пользования некоторыми формами и категориями политического слова — как в США, так и в Европе.

Когда споры по поводу угроз Рушди и убийства Тео ван Гога представляют как своего рода эпизоды сражений, в которых защитники свободного слова сталкиваются с его врагами, то тем самым замалчиваются многие компромиссы — одни принципиальные, другие своекорыстные, — которые сопровождали политику свободного высказывания на Западе. Может быть, все западные ограничения свободы слова — оборонительные (хотя я бы с этим поспорила), но их наличие и значение необходимо признать.

Выставляя споры о датских карикатурах и *Charlie Hebdo* как столкновения цивилизаций, неверно представляют и Запад, и ислам. Мусульманские секуляристы и фундаменталисты свободы слова выносятся за скобки. Западные космополиты и культурные консерваторы тоже куда-то делись. Каждая цивилизация сократилась до приходских размеров: она уже и глупее; более единообразна и менее полемична; более догматична и менее политична — короче, менее цивилизована.

Когда скандалы, связанные с карикатурами, «Покорностью» (*Submission*) или фильмом Герта Вилдер-

⁴⁴ *Grall P.* Internet Insider. 2008. January 18. <<http://blogs.computerworld.com>>.

са «Фитна» (*Fitna*), представляют как споры о свободе слова, то скрываются стратегии, гораздо более вредные для свободы слова на Западе. Нас на Западе заставляют думать, что мы вольны говорить свободно, когда на самом деле на нас давят со всех сторон; менять опасную практику высказывания истины в лицо власти на менее рискованное занятие — высмеивание меньшинства; забывать, что право хранить молчание — в самом сердце свободы слова; и верить, что в том, что касается нашего поведения и наших теорий справедливости, нам больше ничего говорить и не надо.

ТО, О ЧЕМ ЕЩЕ НАДО СКАЗАТЬ: ПРАВО ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ

Тео ван Гог и многие другие на Западе придерживались позиции, что не только «что угодно может быть сказано», но и «все должно быть сказано». Возможно, это попытка сделать свободу слова реальной: ввести ее в действие, опробовать, придать ей форму и содержание в реальном мире. Возможно, это неуклюжая и вводящая в заблуждение попытка противостоять ограничениям свободы слова: постоянно стараться расширить если и не то, что можно сказать, то, по крайней мере, то, что говорится. Возможно, эти попытки призваны отвлечь внимание. Если говорится так много, то начинает казаться, что у каждого мнения есть свой голос и что все услышаны. Если можно говорить такие возмутительные вещи, что ж, тогда ничего больше говорить и не нужно.

В некоторых частях Нидерландов, в Европе и Америке, на Западе, где «все должно быть сказано», по-прежнему есть вещи, которые надо произносить тихо или не произносить вовсе. Все еще есть опасность для нашей свободы слова.

В эпоху Просвещения, в прошлом, угрозы свободе слова исходили от тех, кто пытался заглушить гово-

рящего. Выражение своих политических взглядов, самоопределение, организация тех сил сопротивления и солидарности, которые необходимы демократии (и разуму), — все зависит от свободы людей и возможности высказать то, что у них на уме. Людей, конечно, можно заставить молчать, но их также можно вынудить говорить. Борьба за религиозную и политическую свободу в США и Европе была отмечена сопротивлением требованию приносить клятвы верности и присягу. И «Двенадцать статей» мятежных немецких крестьян, и «Великая ремонстрация» (Remonstrance) левеллеров выступали против вынужденной дачи показаний и самооговора. Пятая поправка к Конституции США свидетельствует о том, как важно, чтобы никого не заставляли говорить против его воли, и признает, что право молчать — принципиально для гражданина. Как показывают такие эпизоды борьбы, подлинная свобода слова требует не только свободы говорить, но и свободы хранить молчание, особенно когда речь идет о совести и там, где неуместная исповедь может поставить человека под угрозу. Молчание обеспечивает не только безопасность, но и свободное пространство, которое может быть отдано вере или сомнению, уверенности или вопрошанию.

Свобода слова также требует, чтобы, когда люди говорят, они говорили именно то, что выбрали сами, по своей воле. Людей можно заставить сказать то, что им говорить совсем не хочется. Инквизиция и другие пыточные институты, в прошлом и настоящем, разработали целый ряд техник для вынуждения людей говорить против воли. «У нас есть способы заставить тебя говорить» — это то, что заявляют самые отвратительные негодяи.

Есть более тонкие и изощренные методы заставить людей говорить. Любой читавший Мишеля Фуко или смотревший днем телевизор знает о силе стремления исповедаться. В позднее Новое время в Европе и Аме-

рике людей научили разоблачать себя, независимо, хотя бы они этого или нет. От нас ожидают, что мы будем публично говорить, и говорить бесконечно, о тех вещах, которые некогда обдумывали в одиночестве.

Мусульманский вопрос показывает нас людьми, которым не разрешено говорить свободно, которых вместо этого заставляют говорить то, что другие хотят от нас услышать, говорить строго по тексту, продиктованному другими. Эти вынужденные речевые акты — важная часть современного политического дискурса. Он включает требования, чтобы «умеренные мусульмане», «большинство мусульман» или просто «мусульмане» осудили атаки 11 сентября 2001 года, а также согласились с высмеиванием своей религии или даже приняли в этом участие; чтобы палестинские политики, палестинские ученые, палестинские власти или просто «палестинцы» признали Израиль или осудили терроризм. Эти люди могут говорить — от них требуют, чтобы они говорили, — но они не могут говорить свободно.

То, что эти требования асимметричны, указывает на наличие предрассудков. То, что таких требований становится все больше, свидетельствует о радикальном сужении права на свободу слова. Появление новых — и возрождение старых — стратегий по сдерживанию слова распространяется от изначальных целей, мусульман, на христиан, иудеев, секуляристов, всех, кто хочет возразить или пойти дальше предписанной речи.

Представление о том, что мусульмане противостоят свободе слова, также делает их обязательной мишенью этого слова. Недостаточно просто говорить о мусульманах, недостаточно говорить о них плохо, нужно говорить плохо о мусульманах особо предписанным способом. Свобода слова никому не гарантирована при изучении ислама, при высказывании, устном или письменном, о мусульманах. Свобода слова не гаранти-

рована тем, кто призывает, хотя для меня это спорно, к переходу христиан в ислам. Свобода слова не продвигается призывом к молитве. Слово, как утверждается, становится «свободным» только тогда, когда оно используется для нападок на мусульман, ислам и Коран. Когда свободное слово становится мусульманским вопросом, его принципы не срабатывают, а практика сужается. В силу этого свобода слова перестает означать поддержку выражения непопулярного мнения, защиту прав меньшинств на свое место в публичном пространстве или высказывание истины власти.

Политическое высказывание, самоопределение, организация сил сопротивления и солидарности, необходимой для демократии и разума, зависят от свободы людей выражать то, что у них на уме. Но по-прежнему есть слишком много вещей, которые приходится шептать. Слишком многое еще надо сказать. Все еще есть то, что мы надеемся услышать. Я слышала, как американский конгрессмен давал присягу на экземпляре Корана, принадлежавшем Джефферсону. Однажды я могу услышать призыв к молитве — тот, что звучит в предзакатные часы в Амстердаме или Чикаго, — произнесенный женским голосом. Однажды я могу услышать, как европейская пресса защищает женщину, которая носит хиджаб, или религиозного мусульманина, который критикует претендующую на нейтральность *laïcité*.

Либерализм раннего Нового времени видел опасности, исходящие от нарушения молчания и от принуждения к речи. Ранние либералы протестовали против вынужденных речевых актов, противились клятвам верности и вырванным силой исповеданиям веры и почитали право хранить молчание. Мысль позднего Нового времени признавала, что требование саморазоблачения может усилить надзор, подавление и контроль. Мы должны согласиться, что вынужденные речевые акты, требуемые от мусульман или в отно-

шении мусульман, следуют той же логике. Политкорректность — это не левый феномен; она также живет и процветает у правых. Если мы собираемся эффективно защищать свободу слова и волеизъявления, мы должны признать, что теперь наибольшая угроза исходит вовсе не от тех, кто заглушает слова, а от тех, кто диктует, что мы должны говорить.

Франция остается верной идеалам свободы, равенства и братства. Роксанна Эйбен, Эми Каплан, Венди Браун, Джудит Батлер, Роджер Смит, Эв Траут-Пауэлл, Тимоти Пауэлл, Роберт Виталис и Дебора Харолд создали для меня своими работами и своей дружбой мою Америку. Дебора Харолд посоветовала идти в мир, а когда я впадала в сомнения, идти к входной двери. Эта дверь открывалась в мир щедрости многих людей — самых разных вер и неверующих. Джоан Скотт дала мне первой читать свою блистательную работу о парандже, а потом всегда одаряла своими советами и своей силой.

Рут О'Брайен, Бригитта ван Рейнберг и Роб Темпио постоянно пересекали границы между искусством редактуры и наукой. Благодаря их трудам интеллектуальная жизнь становится полноценней.

Я вспоминаю покойного Фазлура Рахмана, чья ученость и щедрость позволили нескольким поколениям студентов чувствовать себя как дома в текстах ислама, когда мы вместе изучали их у себя дома на Западе.

Я благодарю людей моего города. Хотя он славен своими причудами, строптивостью, патриархальностью, разделенностью на мелкие кластеры соседских общин, подозрительных к чужакам, все же он остается, как и во время Революции, местом, из которого может прийти обновление этого мира. Его улицы свидетельствуют о том, что он по-прежнему город братской любви.

Филадельфия, апрель 2012

Научное издание
Серия «Политическая теория»

ЭНН НОРТОН
К МУСУЛЬМАНСКОМУ ВОПРОСУ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ЮЛИЯ ПЕТРИНА

Корректоры
НАТАЛЬЯ НИКИТИНА,
ОЛЬГА РОСТКОВСКАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 22.09.2016. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 11,2
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1791. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (499) 270-73-59